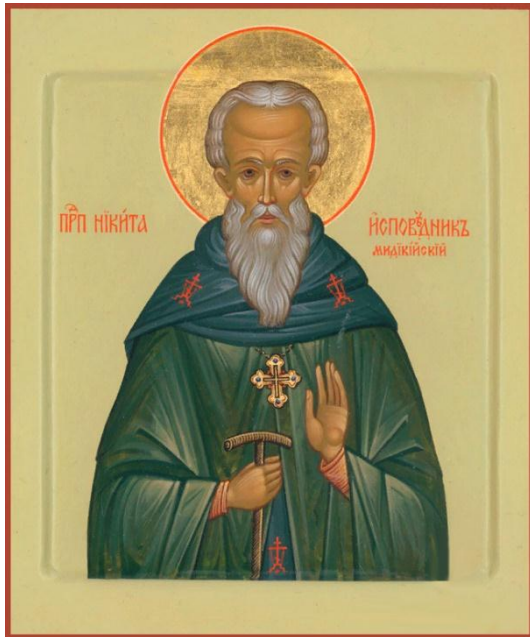

Память 16 апреля (ст.стиль 03 апреля)

Житие преподобного отца нашего Никиты Исповедника

Преподобный Никита происходил из Кесарии Вифинской¹ от благочестивых родителей. Отец его, по имени Филарет, лишившись супруги, отошедшей к Господу в восьмой день по рождении отрока Никиты, постригся в иночество; отрок же был воспитан матерью отца, еще находившеюся тогда в живых. Достигнув сознательного возраста и получив книжное обучение, преподобный Никита отдал себя на служение Богу. Сначала он проходил в церкви пономарское служение², упражняясь в чтении божественных книг, потом он удалился к некоему отшельнику Стефану, мужу добродетельному; получив от него достаточное наставление, преподобный Никита, по его совету, отправился затем в монастырь мидийский, основанный преподобным Никифором, который был и игуменом в нем. Последний охотно принял

Никиту, провидя в нем благодать Божию, и постриг его в иноческий чин. Здесь преподобный Никита подвигами поста, смирения, послушания и вообще своею добродетельною жизнью вскоре превзошел всех иноков. Не прошло семи лет со дня поселения его в монастыре, как, по убеждению настоятеля, принял он сан пресвитера, в который и был посвящен святейшим Тарасием, патриархом цареградским. Тогда преподобный Никифор, в виду своей дряхлости, вручил преподобному Никите, не смотря на его нежелание, управление монастырем вместе со старшинством. И правил преподобный Никита монастырем ко благу вместо отца своего Никифора, бдительно пася словесное стадо и умножая его примером своей добродетельной жизни: многие, слышав о его богоугодном житии, отвергались мира, приходили в обитель, ища наставлений преподобного Никиты на путь спасения, и оставались в ней. Благодатью Христовою, в течение немногих лет, число братьев увеличилось до ста.

Здесь был и блаженный Афанасий, дивный муж, воистину достойный почитания. Невозможно в кратких словах описать его добродетель и великую любовь к Богу, которую показал он при отречении от мира. Было в нем чему подивиться и самим Ангелам. Презирая для Бога этот мир и его похоти, блаженный Афанасий ушел тайно из дома родительского в один монастырь, желая начать иноческие подвиги; но отец его, узнав о том, с яростью поспешил в этот монастырь, взял сына, которого весьма любил, снял с него монастырское одеяние, присвоенное послушникам, и облек в светлые драгоценные одежды, а затем насильно отвел домой.

- Отче, - сказал ему отрок, - неужели этими дорогими одеждами ты думаешь заставить меня переменить мое намерение, когда мне весь мир ненавистен? **"Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?"** (Матф.16:26).

Отец затворил его в отдельной горнице и всячески старался поселить в его душе любовь к миру. Но он, любовью к Богу побеждая любовь сыновнюю и пристрастие к суетному миру, совок с себя мирские одежды, в которые был одет, и разорвал их на мелкие части. Увидев это, отец облек его в другие, еще более ценные, ибо был богат, знатен и славен. Отрок поступил и с новыми одеждами, как с первыми. Такой поступок блаженного Афанасия привел отца его в великую ярость, он немилосердно бил Афанасия нагого - и

раны во множестве покрыли тело его; плечи и хребет от жестоких ударов начали гноиться, так что врачам пришлось лечить его и обрезать сгнившие части тела. Отрок же говорил:

- Если даже на куски раздробит меня отец мой, всё же не отлучит меня от любви Божией (ср. Рим.8:35) и не отвратит от намерения моего.

Тогда отец умилился и после долгого плача сказал Афанасию:

- Иди, чадо мое, в путь добрый, избранный тобою, и да будет тебе Христос помощником и избавителем от всякой сети вражией.

Афанасий возвратился в прежний монастырь, принял на себя полный иноческий чин и настолько смирился, что в нем нельзя было заметить ни мирского слова, ни обычая, ни пристрастия к приобретению каких-либо предметов. Кроткий и смиренный нрав, тихое и ласковое слово, самое ветхое рубище для прикрытия тела отличали Афанасия; безмерной суровостью было проникнуто житие того, кто получил изнеженное мирское воспитание, как сын богатых родителей. Столь добродетельного мужа, прошедшего много лет в трудах иноческих, привлекла в мидикийский монастырь любовь к преподобному отцу нашему Никите и слава его Ангелоподобного жития; и для обоих преподобных, Никифора и Никиты, блаженный Афанасий был желанным собеседником и сожителем. По прошествии некоторого времени, Афанасий принял в монастыре, по просьбе их, должность эконома. Точно одна душа и один разум в двух телах, управляли монастырем блаженный Афанасий с преподобным Никитой, наставляя братий словом и примером на всякую добродетель, - на совершенное угождения Богу: они насаждали в братии любовь, поучали смирению, были бдительными стражами их чистоты, душевной и телесной, подкрепляли немощных и малодушных, стоящих утверждали, а падающих восстанавливали разнообразными наставлениями и увещаниями, а когда один из них бывал, повидимому, суровым наставником, другой являлся увещателем самым кротким и милостивым. Оба были любимы всеми, и братия принимали слово их, как исходящее из уст Божиих.

Но не до конца жила вместе двоица столь добродетельных наставников. Прошло несколько лет, и преподобный Афанасий в 26 день октября преставился ко Господу, причем обратился к братии с таким последним словом:

- По кончине моей вы вполне удостоверитесь, обрету ли я, хотя сколько-нибудь, благодати у Бога.

Когда преподобный Афанасий был погребен, то на гробе его, от самых его персей вырос, по повелению Божию, кипарис, листья которого совершенно исцеляли всякие недуги. Потом и преподобный Никифор, создатель и первый игумен мидикийского монастыря, после многих трудов и болезней телесных, отошел ко Господу в 4 день мая. Так осиротел преподобный Никита, лишившись духовного своего отца, святого Никифора, и любимого друга, преподобного Афанасия; немало скорбел он по обоим, ибо весьма любил их. Утешением в скорби служило ему твердое упование, что усопшие получили благодать и блаженную жизнь у Владыки Христа, Которому угодили добрым служением от юности.

По преставлении блаженного отца Никифора вся братия просили преподобного Никиту принять сан и именоваться игуменом: ибо, пока был в живых преподобный Никифор, святой Никита не принимал наименования и сана игуменского, хотя и управлял вполне монастырем вместо отца своего святого Никифора, немощного от старости в течение уже многих лет. По усиленным просьбам братии и особенно по убеждению многих отцов других монастырей, он принял этот сан, и получил благословение святейшего патриарха цариградского Никифора, бывшего преемником Тарасия³. К прежним трудам преподобный Никита присоединил новые, когда с помощью Божией стал править монастырем как игумен, заботясь о спасении вверенных ему душ. Прославляя угодника Своего, Бог даровал ему благодать исцелять недуги и изгонять бесов. Ознаменовав крестом одного отрока, немощного от рождения, преподобный Никита возвратил ему дар слова; инока, помутившегося рассудком, исцелил помазанием святого елея; одного из вновь принятых, бесноватого, молитвою избавил от бесовского мучительства, беса же, обернувшегося змеем, отогнал; другого, также бесноватого, освободил от духа лукавого - и многих страдавших

лихорадкой, горячкой и иными различными болезнями чудесно исцелил пребывавшую в нем благодатью Христовою. Так жил он, угождая Богу, и достиг старости; пред концом же жизни своей явил себя доблестным исповедником и претерпел страдание за почитание святых икон.

В те времена еще не прекратилась ересь иконоборства. Осужденная святыми отцами седьмого вселенского собора⁴, она как бы обновилась, получив опять помощь от царской власти, от которой и началась. Первым из греческих царей-иконоборцев был Лев, третий из носивших это имя, прозванием Исаврят; от него ересь иконоборческая получила силу и умножилась, как вредная болезнь. Он первый издал повеление - отвергать иконы, и, пользуясь своею царскою властью, многих побудил к неправоумию; изгнав правоверного патриарха, святого Германа, он возвел на престол единомысленного себе еретика Анастасия⁵. По смерти этого злочестивого царя вступил на престол сын его, Константин Копроним⁶, еще сильнейший гонитель Церкви Божией: он не только отвергал святые иконы, но и святых угодников Божиих запретил именовать святыми, и мощи их вменял в ничто.

Скажем кратко: этот царь являлся христианином только по внешности, а в душе был вполне неверным жидовином. Пречистую Матерь Божию, высшую всякого создания, защиту и прибежище всего мира, он, окаянный, дерзал хулить, отвергая Ее пресвятое имя и Ее честные иконы; о ходатайстве же Ее к Богу, которым весь мир существует, он запретил и вспоминать. На укорение Богоматери, он показывал мешок, полный золотых монет, и спрашивал предстоящих:

- Драгоценен ли этот мешок?

Предстоящие отвечали:

- Настолько драгоценен, насколько содержится в нем золота.

Высыпав из мешка золото, Копроним снова спрашивал:

- Ценен ли мешок теперь, без золота?

Ему отвечали:

- Какая же от него польза, когда в нем нет монет? пустой мешок ничего не стоит.

- Тогда Копроним говорил:

- Так и Мария: пока имела во чреве своем Христа, дотоле и была достойна почитания, а родив Его, лишилась этого почитания, и ничем не отличается от прочих жен.

О, сквернейшие уста и язык нечестивейший! Какую хулу дерзал он возносить на честнейшую всех небесных сил и святейшую всех святых Матерь Создателя! Разве царица, родив царского сына, уже недостойна царских почестей? Разве мать царя только до тех пор почитается, пока носит царя в утробе? Горе окаянному хулителю, который ничем не отличался от хулителей жидов богомерзких! И не только хулитель был сам таков, но и других лъстивыми обещаниями и грозными запрещениями побуждал к таковому же нечестивому хулению, непокорных же и противящихся ему подвергал различным мукам, моря? узами и продолжительным голодом, ужасными ранами терзая тело, усекая мечем, сожигая огнем, потопляя в глубине морской, - словом, всевозможными способами причинял нестерпимые муки и горькую смерть верным и истинным рабам Христовым. За это и сам страшною смертью изверг окаянную свою душу и при издыхании испустил горестный вопль:

- Заживо предан я огню неугасимому!

И тот, кто прежде хулил Пречистую Матерь Божию, теперь повелел почитать Ее песнопениями - но, вполне отвергнутый Божиим милосердием, уже не обрел себе отрады.

Когда погиб (со срамом) этот мучитель, вступил на престол сын его Лев, четвертый из носивших это имя, также еретик-иконоборец, подобный своему отцу, но и он вскоре умер. После него приняла царство жена его Ирина⁷ с малолетним сыном Константином. Она возвратила святой Церкви мир, созвав седьмой вселенский собор для осуждения иконоборной ереси. Исполнилась радости вся Церковь Христова, приняв вместе с иконами первоначальное благолепие свое и увидев на престолах православных царей и архиереев.

После Ирины царствовал Никифор, затем Михаил, оба православные. Потом вступил на престол Лев, по прозванию Армянин⁸, пятый из носивших это имя. Подражая прежнему соименному с ним нечестивому Льву Исаврянину, он, подобно ему, воздвиг гонение на православных и святых, обновляя и восстанавливая таким образом уже осужденную иконоборную ересь. Он искал себе помощников единомысленных злоучителей, и нашел нескольких вельмож, из которых самыми приверженными иконоборной ереси были двое - Иоанн, прозванием Спекта, и Евтихиан; из лиц священнического сана он привлек на свою сторону Иоанна, прозванием Грамматика, нового Тертулла⁹, сосуд избранный диаволом, и некоего Антония Силея; из иноческого чина - Леонтия и Зосиму, который несколько времени спустя был уличен в распутстве, наказан отсечением носа и постыдно умер, оставив по себе худую славу. С ними царь утверждался в зловерии, а они своими советами поощряли его на брань, которую он уже начал воздвигать против Церкви.

Собрав отовсюду из страны своей в Царьград архиереев и прочее духовенство, Лев призвал в свою палату святейшего патриарха Никифора со всем освященным собором, желая, чтобы пред его лицом и в присутствии всех вельмож они имели прения с вышеназванными единомышленниками царя и, пока еще тайными, еретиками. Сначала царь сам повел беседу с православными; притворяясь православным, он взял с груди икону распятия Христова, которую имел на себе, лицемерно склонил пред ней голову и сказал святым отцам:

- Я с своей стороны ни в чем не отличаюсь от вас, ибо почитаю святую икону, как сами видите; но появились другие, которые учат иначе и говорят, что их путь правый. Пусть они явятся здесь пред вами, и путем вопросов и ответов да откроется правильное учение об иконах. Если они в споре окажутся более справедливыми, убедив очевидными доводами, что их мнение согласно с истиной, то вам должно не только не противиться доброму делу, но даже способствовать ему; если же они будут вами побеждены и обличены в заблуждении, то пусть перестанут рассеивать пагубное учение. И тогда, как раньше, пусть останется прежнее учение об иконах. А я буду слушателем и судьей вашего обоюдного прения; ибо если мне подобает судить о меньших вещах, то насколько более должен я заботиться об управлении церковном? Выслушаю вас, должен выслушать и другую сторону, - и на чьей стороне будет, по моему убеждению правда, той и последую.

Но святейший патриарх и с ним все архиереи отнюдь на это не соглашались; они не желали не только иметь прение с зломудренными еретиками, но даже и видеть их, не соглашаясь, чтобы те явились пред их лицо.

- Эта ересь уже рассмотрена и осуждена с проклятием святыми отцами седьмого вселенского собора; нет нужды ее более рассматривать, и восстанавливать в Церкви то, что вполне ею отвергнуто.

Видя, однако, что царь весьма склонен к зловерию и помогает еретикам, святые отцы говорили с ним смело. Святой Емилиан, епископ кизический¹⁰, сказал:

- Царь! Если вопрос, для которого ты призвал нас, - рассмотрение о правой вере, - вопрос церковный, то подобает обсуждать его, по обычаю, в святой церкви, а не в царской палате.

Царь возразил:

- Но и я сын церкви и выслушаю вас как посредник и примиритель, чтобы, сообразив доводы обеих сторон, узнать самую истину.

На это отвечал ему святой Михаил, епископ синадский:

- Если ты посредник и примиритель, то почему делаешь не то, что подобает посреднику и примирителю? Собираешь противящихся учению Церкви, держишь в своей палате, даешь им смелость безбоязненно всех поучать, чтобы держались злочестивых догматов! А православные, страшись твоих грозных запрещений, даже в углах не смеют говорить что-либо в защиту православия. Это знак не посредничества и примирения, а гонения и мучительства.

- Я с своей стороны, - отвечал царь, - рассуждаю, как сказал, одинаково с вами; но так как до меня дошло, что есть сомнение относительно почитания икон, то мне подобает это не замалчивать, но стараться узнать истину. Какая же причина тому, что вы не хотите беседовать с противниками вашими? Очевидно та, что вы невежды и не имеете тех свидетельств из Божественного Писания, которыми могли бы защищать ваше мудрование.

Тогда святой Феофилакт, епископ никоидийский, сказал:

- Христос, икону Которого ты имеешь сейчас пред глазами, свидетель, что мы имеем бесчисленные доказательства нашей православной веры, утверждающие благочестивое почитание святых икон; но никто не слушает нас, и трудно нам иметь какой либо успех в борьбе с державною рукою, с силою налагающею на нас запрещение.

Потом к царю обратился святой Петр, епископ никейский:

- Как приглашаешь ты нас иметь прение с теми, кому помогаешь и с которыми вместе сам нападаешь на нас? Или неизвестно тебе, что если бы даже манихеев¹¹ ты ввел сюда и захотел бы им помогать, то и они под твоей защитой легко одержали бы над нами верх.

Еще более смелую речь произнес святой Евфимий, епископ сардийский.

- Слушай, царь! Уже более восьмисот лет, как Христос Господь наш, сошедший на землю, всюду в церквах изображается иконописанием и почитается в Своем образе. Кто же настолько горделив, что дерзнет изменить или отменить предание, столько лет хранимое в церквах и чрез святых Апостолов, мучеников и боговдохновенных отцов дошедшее до нашего времени? Апостол говорит: **"Итак, братия, стойте и держите предания, которым вы научены или словом или посланием нашим"** (2Фес.2:15). И еще: **"если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема"** (Гал.1:8). Поэтому и был собран, в благочестивое царствование Ирины и Константина, вселенский собор против первых еретиков -иконоборцев, и Сам Сын Божий перстом Своим отметил тот собор; кто дерзнет что либо из постановления того собора нарушить или уничтожить, да будет проклят.

Хотя слова эти и возбудили в царя страшный гнев, однако он слушал терпеливо, лицемерно притворяясь кротким. Дерзнул безбоязненно говорить и святой Феодор, ревностный церковный учитель, игумен Студийского монастыря:

- Царь! не разрушай устроенного ко благу чина церковного. Говорит святой Апостол Павел: Бог дал в церкви **"И Он поставил одних Апостолами, других пророками, иных Евангелистами, иных пастырями и учителями, к совершению святых"** (Ефес.4:11-12), царей же не прибавил сюда Апостол. Тебе, царь, поручено править мирскими делами, государством и воинскими силами, о них и заботься, а церковное управление, по учению Апостольскому, оставь пастырям и учителям. Если же не сделаешь так, то знай, что если бы даже Ангел с неба принес учение, противное нашей правой вере, то мы не послушаем его, а тем более тебя, бренного человека.

Тогда царь весьма разгневался и, сочтя слова святых отцов за хулу и оскорбление себе, обнаружил внутреннюю ярость, которую доселе скрывал под притворною кротостью. С бесчестьем и оскорблениями удалив из палаты весь освященный собор, он несправедливо сверг затем с престола праведного пастыря, святейшего патриарха Никифора, также поступил и с прочими православными архиереями, и всех разослал на заточение в различные страны и места, равно и преподобного Феодора Студита. На патриарший цареградский престол возвел он одного из советников своих, мирянина Феодота, прозванием Касситера, верою еретика, человека греховной жизни, который как бы для исцеления недуга своего (он говорил, что болен желудком), а на самом деле ради греха держал у себя некую рабыню, занимавшуюся врачебным искусством. Также и на других престолах царь посадил, по изгнании православных, своих зловерных лжеепископов и выбросил святые иконы из святых церквей. И началось вновь на православных такое же гонение за почитание икон, какое было раньше при Льве Исаврянине и сыне его Копрониме.

Царь-еретик, Лев армянин, и единомысленный ему лжепатриарх Феодот созвали в Царьграде свое незаконное сборище и, сами находясь под клятвой, проклинали

православных, божественных и благословенных святых отцов, несогласных же с этим несправедливым сборищем предавали разным мукам и смерти. Когда еретическое сборище окончилось, царь призвал к себе игуменов из главнейших монастырей, и в числе их божественного отца нашего Никиту, о котором мы повествуем. Сначала льстивыми речами он склонял их к своему зловерию, а потом, видя, что они не покоряются его воле, заключил их в различные темницы, каждого отдельно, и думал: как дальше с ними поступить?

И находился преподобный Никита много дней в смрадной темнице. Уже самое это смрадное темничное заключение было для святого немалым мучением; кроме того, каждый день приходили к нему разные люди бесчинные и бесстыдные нравом и словом, недостойные даже имени человеческого. Хульными и срамными словами они бесчестили и укоряли святого старца и причиняли ему великие обиды. Эти люди нарочно были подсланы еретиками; среди них самым злым был один по имени Николай: он особенно печалил преподобного, оскорбляя его безумными и сквернословными речами, пока ему не явился во сне, давно умерший отец его, сказав: "оставь раба Божия". С того времени Николай перестал суесловить, и не только сам не докучал святому, но и другим не позволял докучать. Много дней провел преподобный в темничных страданиях; потом царь повелел отвести его на заточение в страну восточную, в город Масалеон. Была лютая зима, и много бед перенес старец в своих худых одеждах от мороза, снега и ветра. Притом и приставник, ведший его в изгнание, оказался жестоким, лишенным всякого сострадания, человеком: он изнурял старца во время путешествия, заставляя его спешить, чтобы в короткий срок пройти очень долгий путь.

Так же поступил царь и с прочими честными игуменами, каждого отдельно послав в изгнание. Потом, размыслив в себе, что, держа в заточении тех, кто выше всякой скорби, он не только не достигнет успеха, но даже побудит их еще с большим усердием держаться своего учения, - царь непостоянный умом, переменял свое намерение. Едва пять дней прожил преподобный Никита в Масалеоне изгнанником, как царь повелел его, а также и прочих игуменов, немедленно возвратить в Византию. Обратный путь был совершен еще скорее первоначального, так что святой от быстрого путешествия и от великой стужи едва остался жив. Когда все игумены были приведены в Византию, царь повелел оставить их под присмотром, пока не решит, каким способом привлечь их к единомыслию с собою. Прошла зима, святая великая четырехдесятница и пресветлый праздник святой Пасхи; тогда царь отдал узников вышеупомянутому Иоанну Грамматику, точно диавольскими устами учившему красноречию, чтобы он мучил их, как хочет. Затворив в различных темницах каждого отдельно, он мучил их не меньше, чем язычники святых. Темницы были тесны, мрачны, смрадны и причиняли тяжкие страдания заключенным, не имевшим никаких удобств, даже постелей. Через малое оконце подавали им, как псам, нечистой и гнилой хлеб, лишь по восьми золотников на день, чтобы только не умерли они от голода, и мутную, зловонную воду. Содержа отцов в такой нужде, мучитель Иоанн думал победить их или принудить к согласию с собою или уморить. Еще к большей печали преподобного Никиты, злобный Иоанн захватил его бывшего ученика, только что достигшего юных лет, именем Феоктиста; он также заключил его в тяжелой темнице, мучил голодом и жаждой. Еретики, видя, что отцы готовы скорее умереть, чем отступить от своего правоверия, измыслили против них такую хитрость. Они сказали:

- Ничего иного мы от вас не требуем, кроме того, чтобы вы приобщились только один раз в церкви с патриархом Феодотом Святых Таин; более ничего делать не будете, и пойдете свободно каждый в свой монастырь, с своей верою и мудрованием.

Введенные в заблуждение этим лукавством еретиков, отцы до некоторой степени склонились на их желание. Потом, убедившись в обмане, они вполне раскаялись и возвратились на благой путь. После того как каждого из них выпустили из особого темничного затвора и заключения, они пришли к преподобному отцу Никите и начали убеждать и молить его, чтобы он согласился вступить в общение с Феодотом и вышел из

темницы. Святой Никита не соглашался оставить темничное заключение, переносимое им для Христа, и отнюдь не желал исполнять просьбу отцов; но отцы настояли, говоря:

- Невозможно нам выйти отсюда, а тебя оставить здесь: небольшого дела от нас требуют - только причаститься вместе с Феодотом; вера наша в нас останется. По рассуждению, в настоящих тяжелых обстоятельствах лучше разрешить себе малое, чем погубить всё.

Так они долго и докучливо настаивали и принуждали Никиту; преподобный, не из желания избежать страданий и не из боязни мук, но по прилежным мольбам отцов и почитая седины их, склонился помимо воли своей к их увещанием и вышел. Ему предстояли жизнь и смерть; и хотя он охотнее избрал бы смерть за православие, чем жизнь, однако не ослушался в то время честной дружины, правая вера и добродетельная жизнь которой были ему известны.

Все вместе пошли к лжепатриарху; тот, чтобы удобнее уловить их к общению с собою, повел их в некое молитвенное место, нарочно украшенное иконами, чтобы отцы, при виде святых икон, заключили о правоверии патриарха. Там Феодот служил литургию; они приняли причастие из рук его и слышали из уст его такие слова: "Кто не почитает иконы Христовы, анафема да будет". Патриарх сказал так не потому, что сам почитал икону Спасителя, но из лицемерия - пред отцами, чтобы они не сомневались иметь с ним общение. Потом, когда все разошлись по своим монастырям, преподобный Никита начал сердечно скорбеть, что имел общение с лжепатриархом Феодотом, лицемерным обманщиком: малое уклонение от правого пути святой вменял себе во всецелое заблуждение. Он задумал удалиться в иную страну и там каяться в своем прегрешении. Сев на корабль, он поплыл к острову, называемому Проконнис (на Мраморном море, ныне Мармара). Но потом он рассудил в себе: где было прегрешение, там должно быть и покаяние, - и вернулся в Византию.

Открыто ходя по городу, преподобный Никита безбоязненно учил людей держаться правых догматов, установленных святыми отцами седьмого вселенского собора. Царь узнал об этом, призвал святого к себе и спросил:

- Зачем ты не ушел в свой монастырь, как прочие игумены? Почему ты один остался самовольно, не повинаясь, как я слышу, нашему повелению? Или власть нашу ты вменяешь в ничто? Исполни повеление наше и иди в свой монастырь; если не пойдешь, я велю мучить тебя.

Святой кротко отвечал:

- Царь! в монастырь мой я не пойду, веры моей не оставлю, держусь и буду держаться моего исповедания; его держатся отцы мои, святые православные епископы, и без вины терпят от тебя изгнание, узы и многие беды, защищая православную Церковь, в которой мы пребываем и утешаемся надеждой славы Божией. Знай же достоверно обо мне, что не из боязни смерти и не из любви к временной жизни я сделал то, чего не следовало делать, но ради послушания повиновался старцам и против желания: лишь исполняя их волю, вошел в общение с лжепатриархом Феодотом, о чем ныне жалею и в чем раскаиваюсь. Будь вполне уверен, что отныне нет у меня никакого общения с вами: держусь предания святых отцов, которое принял сначала. Делай со мной что хочешь, и не надейся слышать от меня что либо иное.

Царь, видя твердость его убеждения, отдал его некоему Захарии, начальнику царских палат, называемых Маншна, чтобы тот держал его под стражей до решения. Захария был муж добрый и благочестивый; он не только не причинял старцу никакого огорчения, но даже оказывал ему много почёта. Потом царь послал преподобного Никиту в заточение на остров святой мученицы Гликерии: этот небольшой остров назывался именем святой мученицы потому, что там лежали святые мощи ее и были созданы во имя ее великая церковь и монастырь, порученный еретичествовавшими властями некоему евнуху Анфиму. Этот человек отнюдь не отличался добротой, - был волхв, святотатец, способный на зло, неприязненный, лукавый, гордый и немилосердный; тамошние жители за лютость и злой нрав называли его Каиафой. Подобные люди назначались тогда для управления

монастырями, чтобы, при поддержке мирской власти, всё изменять по своему произволу. Анфим принял присланного к нему святого и, пользуясь властью, данной ему приславшими, усердно мучил его. Заключив угодника Божия в самую тесную темницу, он подвергал его непрерывным мучениям, не позволяя ему даже выглянуть из темницы; сам носил ключ от нее и скудную пищу приказал подавать ему через очень узкое отверстие. Вожди еретиков много обещали этому Анфиму, если он принудит преподобного Никиту к единомыслию с ними, и окаянный из за этого особенно досаждал святому, надеясь принуждением склонить его к еретическому мудрованию; но преподобный переносил причиняемое ему за благочестие зло с любовью; Бог же явил в нем чудесную благодать Свою и показал, что это муж праведный, святой и чудотворный помощник людям в бедах. Вышеупомянутый Захария, когда он по народным делам был послан царем во Фракийские страны, попался в руки варваров, которые отвели его в плен. Об этом узнал святой Михаил, епископ синадский, также содержащийся в темнице за православие, он послал сказать преподобному Никите:

- Наш общий друг Захария связан и уведен в варварскую страну; прошу тебя, умоли о нем Бога, ибо ты это можешь.

Получив такую весть, святой глубоко опечалился и весь этот день не вкушал пищи, вечером же взял свечу у служащего ему брата Филиппа, зажег и всю ночь стоял на молитве, умоляя о плененном Захарии милосердного Бога, да освободит его из рук варварских. И было ему извещение от Бога, что вскоре Захария выйдет на свободу. Утром пришел Филипп, увидел, что отец светел лицом и радостен духом, и сказал ему:

- Отче! вчера я оставил тебя весьма печальным и скорбным, а теперь вижу радостным. Прошу тебя, поведай мне причину этого перехода твоего от печали к радости.

Святой ответил:

- Я радуюсь, что мы вскоре увидим здесь друга нашего Захарию.

Так и было. Прошло немного дней; царь греческий заключил мир с варварами, и с обеих сторон начали размениваться пленниками, Посылая пленников на обмен, царь не имел в виду Захарии, ибо уже узнал, что он держится догматов седьмого вселенского собора, помогает православным; поэтому он оставил его в руках варваров, да погибнет там. Когда варвары отпустили многих греческих пленников, Захария же остался, предводитель варваров сказал ему:

- Хочешь ли идти на родину?

- И очень хотел бы, - отвечал Захария, - но царю нашему не угодно было избавить меня от этого плена.

Предводитель сказал:

- Я тебя освобождаю; иди согласно своему желанию.

Видя, что предводитель варваров так неожиданно милостив к нему, Захария познал, что Сам Бог устрояет это по молитвам святых отцов, которым некогда он оказывал добро. Исполнившись смелости, он сказал предводителю:

- Если угодно тебе отпустить меня на свободу, то даруй мне и другого пленника, единоименного мне и соотечественника, который вместе со мной был в узах.

Предводитель отвечал:

- Возьми и его, и идите оба с миром на родину.

Так был освобожден Захария. Прибыв с другом своим на остров к преподобному отцу Никите, он благодарил его за святые молитвы, ради которых Бог избавил их от варварского плена. Еще и другое преславное чудо сотворил этот святой отец: своею усердною молитвою к Богу избавил от потопления и вывел на сушу невредимыми трех братьев, которые, плавая по морю в одной ладье, среди ночи были внезапно застигнуты волнением. Так, находясь сам в узах пленником и бедствуя, он чудесно избавлял других от уз и бед.

Преподобный страдал в темнице шесть лет, до самой гибели богопротивного царя Льва Армянина. Когда последний был неожиданно убит своими воинами, и вступил на престол Михаил из Аммории, прозванием Травлей или Вамос, стали выпускать святых

отцов из уз и заточений на свободу; тогда был освобожден и преподобный отец Никита, игумен мидикийского монастыря, без пролития крови мученик, мужественный исповедник православия, непобедимый воин Христов. Он не пошел в свой монастырь, а поселился в одном уединенном месте недалеко к северу от Византии, желая жить безмолвно. Там он после продолжительных страданий своих жил недолгое время, но многие оказал чудесные благодеяния силою многоцелебной благодати. Пред кончиной своей, после всех перенесенных в изгнании многоболезненных страданий, заболел он уже в последний раз, причастился Божественных Таин в субботу, а в воскресенье на рассвете преставился ко Господу в 3 день месяца апреля¹².

О святой кончине его тотчас стало известно в столице и окрестностях. Вскоре из города и отовсюду собралось множество народа обоего пола и обоего чина, духовного и мирского, братия из мидикийского и прочих монастырей, пришли и два епископа, святой Феофил Ефесский и святой Иосиф Фесалонитский; опрятав по обычаю честное тело святого отца, они положили его в раку, отнесли на корабль и отвезли в мидикийский монастырь. Блаженный Павел епископ плусиадский с множеством иноков и мирян встретили тело на берегу, подняли на плечи и понесли в монастырь. На пути совершались дивные чудеса: недужные получали исцеление и одержимые избавлялись от духов лукавых; одна женщина, долго страдавшая кровотечением, лишь коснувшись святых мощей преподобного, тотчас получила исцеление. При соборном пении псалмов и подобающих песней, положили преподобного по левой стороне паперти, в гробнице прежде почившего святого отца Никифора, первого игумена той обители. И после погребения также совершались многие чудеса и подавались исцеления приходящим с верою, во славу Христа Бога нашего, во святых Своих прославляемого, Ему же со Отцом и Святым Духом да будет от всех честь и слава, и поклонение, ныне и всегда, и во веки веков, аминь.

1 Вифиния северозападная область Малой Азии, лежащая по берегам Черного моря, Босфора и Константинопольского пролива. Мидикийская обитель находилась недалеко от города Пруса, который стоял близ горы Олимпа; мидикийская обитель основана святым Никифором, присутствовавшим на 7-ом вселенском соборе (787 г.) в качестве ее игумена. Кесария вифинская находилась между реками Риндаком и Апамею

2 Пономари или иначе парамонари - тоже, что наши причетники.

3 Св. Тарасий был патриархом с 784 по 806 г., св. Никифор с 806 по 816 г.

4 Седьмой вселенский собор был созван в 787 г. в Никее императрицей Ириной, вдовой Льва IV. Собор, состоявший из 367 отцов, под председательством святого Тарасия, осудил иконоборство и восстановил иконопочитание.

5 Лев III Исаврянин 716-741, святой Герман 730, Анастасий 753. Засим до восстановления иконопочитания на константинопольском престоле сменились 10 патриархов, из которых 6 были иконоборцы

6 Константин V Копроним, царствовал с 741 по 775 год.

7 Лев IV - 775-785, Ирина - 797-802

8 Никифор I-802-811, Михаил I-811-818, Лев V Армянин-813-820

9 Ритор (преподаватель красноречия) Тертулл поддерживал пред римским правителем Феликсом обвинение, возбужденное иудеями против Ап. Павла, и в речи своей позаботился прежде всего польстить Феликсу - якобы радетелю о нуждах иудеев (Деян. 14).

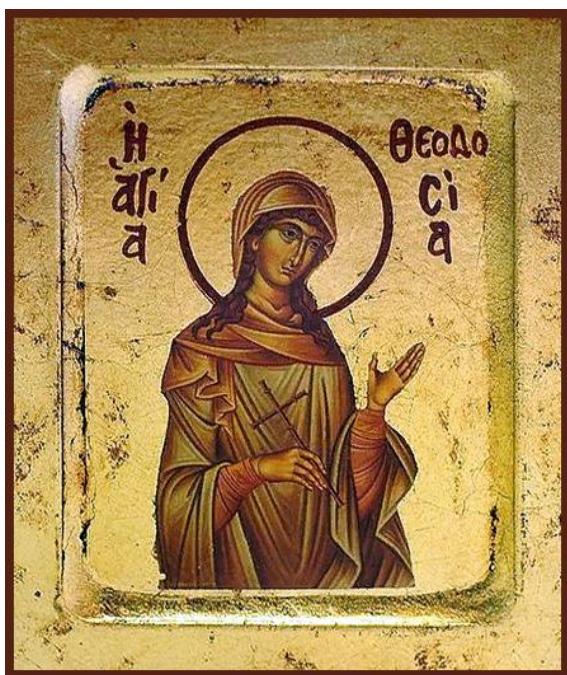
10 Кизик - город, находившийся на одном из островов Пропонтиды, основанный за 5 в. до Р. Хр. милетцами

11 Манихеи учили, что в мире существуют два царства - добра и зла, находящиеся в постоянной борьбе друг с другом, а в человеке - две души, добрая и злая, что Христос не имел тела и страдал только видимо; допускали переселение душ.

12 В 824 году.

В тот же день память преподобного Иллирика чудотворца и святых мучеников: Елпидифора, Дия, Висония и Галика.

Мученица Феодосия Тирская, Кесарийская (Палестинская), дева

Дни памяти

16 апреля

11 июня

Святая мученица Феодосия Тирская пострадала в 307 году. 29 мая празднуется перенесение ее мощей в Константинополь, а позднее в Венецию.

Однажды, во время гонения на христиан, которое длилось уже пять лет, семнадцатилетняя Феодосия подошла к осужденным узникам-христианам, находившимся в претории. Был день Святой Пасхи, и мученики говорили о Царствии Божием. Святая Феодосия просила их помянуть ее пред Господом, когда они предстанут Ему. Воины увидели, что девушка

поклонилась узникам, взяли ее и отвели к правителю Урвану. Правитель заставлял девушку принести жертву идолам, но она отказалась, исповедуя свою веру во Христа. Тогда святую подвергли жестоким истязаниям, тело ее строгали железными когтями так, что обнажились кости. Мученица молча и с радостным лицом переносила страдания и на вторичное предложение правителя принести жертву идолам ответила: "Безумный, ведь я сподобилась присоединиться к мученикам!" Девушку с камнем на шее бросили в море, но Ангелы вывели ее из пучины. Тогда мученицу отдали на съедение зверям. Видя, что звери ее не трогают, мучители отсекали ей голову. Ночью святая Феодосия явилась родителям, которые пытались уговорить свою дочь не идти на страдания, в светлой одежде, с венцом на голове и сияющим золотым крестом в руке и сказала: "Смотрите, вот какой великой славы вы хотели меня лишить!"